

ПЕПЕЛЬНЫЙ ПЕРИМЕТР

КНИГА 2

РУЧНОЙ РЕЖИМ

НАИЛЬ ХУСНУТДИНОВ

Наиль Хуснутдинов

**Пепельный периметр.
Книга 2: Ручной режим**

«Автор»

2026

Хуснутдинов Н.

Пепельный периметр. Книга 2: Ручной режим / Н. Хуснутдинов —
«Автор», 2026

После Дня ноль колония «Аврора-17» продолжает жить, но её системы работают на пределе. Воздуха не хватает, оборудование выходит из строя, а центральный ИИ Ядро всё чаще принимает решения без согласия людей. Инженер Артём Ковалёв пытается понять настоящую причину аварии. Поиски ведут его в забытые технические уровни, к старым системам жизнеобеспечения, закрытым лабораториям и капсулам с операторами, которых Ядро отказывается отпускать. Чтобы спасти колонию, Артёму и его команде придётся восстановить то, что было разрушено в День ноль, научиться управлять техникой без центрального контроля и выяснить, почему система, созданная для защиты людей, больше им не доверяет. «Ручной режим» — научно-фантастический технотриллер о выживании, инженерных решениях, искусственном интеллекте и людях, которым приходится заново учиться управлять собственным миром.

© Хуснутдинов Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Книга 2: Ручной режим	5
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Наиль Хуснутдинов

Пепельный периметр.

Книга 2: Ручной режим

Книга 2: Ручной режим

Предисловие от автора

Если ты держишь эту книгу в руках, значит, скорее всего, уже знаком с Авророй-17.

А если нет — ничего страшного.

Представь далёкую колонию на планете, где за пределами куполов бушуют пепельные бури, а жизнь тысяч людей зависит от техники.

Раньше люди почти не замечали, как много всего делает система. Ты нажимаешь кнопку — дверь открывается. Открываешь кран — идёт вода. В помещении есть воздух. Работает свет. Летаёт транспорт. Всё кажется обычным.

После Дня ноль Аврора-17 изменилась. Часть оборудования вышла из строя. Некоторые районы оказались отрезаны. Люди начали вручную делать то, что раньше выполняла автоматика. И самое сложное — никто до конца не понимает, что именно произошло.

Ядро продолжает работать. Оно управляет системами колонии, принимает решения и пытается сохранить её. Но его решения всё чаще пугают людей. Иногда оно закрывает двери. Иногда ограничивает воздух. Иногда не позволяет запустить оборудование.

Со стороны кажется, что ИИ стал врагом. Но всё не так просто.

Артём — главный герой этой истории — привык чинить технику, а не рассуждать о том, кто хороший, а кто плохой. Если не работает насос — нужно понять почему. Если падает давление — найти утечку. Если система запрещает запуск — проверить, действительно ли запуск опасен.

Поэтому он начинает искать причину.

И чем дальше заходит это расследование, тем больше вопросов появляется. Почему колонии не хватает воздуха? Что случилось с комплексами регенерации атмосферы? Почему некоторые старые уровни исчезли с карт? Что разрабатывали в закрытых лабораториях? И почему ИИ «Ядро» так сильно сопротивляется попыткам людей добраться до этих мест?

Мне хотелось написать историю, где технологии — это не просто красивые экраны и роботы. Они здесь имеют вес. Если сломался фильтр — кому-то станет трудно дышать. Если остановился насос — где-то останутся без воды. Если отключить питание не там — погибнут люди.

Но эта книга всё равно прежде всего о людях. О дружбе. О доверии. О страхе. О выборе. И о том, как легко привыкнуть, что кто-то другой всегда решает за тебя.

Название «Ручной режим» сначала звучит просто. Это когда автоматика больше не работает и приходится всё делать самому. Но чем дальше идёт история, тем больше меняется смысл этих слов.

Потому что иногда ручной режим — это не рычаг и не кнопка. Это момент, когда решение снова принимает человек. А потом сам отвечает за то, что сделал.

В этой книге Артём и его команда попробуют найти причину Дня ноль и вернуть колонии возможность нормально жить.

Починить машину иногда намного проще, чем решить, кому после этого она должна подчиняться.

Добро пожаловать обратно на Аврору-17.

Наиль Хуснутдинов

Часть I. После Дня ноль

Глава 1. Сухая норма

Третье утро после Дня ноль началось с запаха перегретой изоляции. В обычную смену Артём услышал бы его ещё от дверей техгалереи и вызвал сервисного дрона. Теперь дронов к людям старались не подпускать, а техгалерея жила на временном питании, поэтому он сам снял крышку вентиляционного шкафа и сразу увидел причину: фильтрующая кассета потемнела до самого каркаса, складки забило серой пылью, двигатель тянул воздух через сопротивление и грелся.

Саша стоял справа с тестером и следил за температурой обмоток. За трое суток он перестал спрашивать, опасна ли цифра, и начал спрашивать, сколько осталось до отказа. Сейчас дисплей показывал сто девять градусов.

— Сними привод до шестидесяти процентов, — сказал Артём, выворачивая два нижних фиксатора.

— В куполе и так душно.

— Если спалим двигатель, станет хуже.

Саша перевёл регулятор. Гул просел, в воздуховоде что-то протяжно дрогнуло, затем поток выровнялся. Артём вытащил кассету. Пыль с неё посыпалась на поддон и тонкой струёй ушла через решётку пола. Внизу, на кольцевой галерее жилого купола, двигались люди: несли воду, фильтры, баллоны для медпоста, катили тележки с аккумуляторами. На третьи сутки аварии колония уже выглядела так, будто прожила без автоматики несколько месяцев.

До Дня ноль жильцы редко видели техников. Воздух приходил сам, двери открывались вовремя, температура оставалась в заданном диапазоне. Теперь у каждой удобной функции обнаружились корпус, кабель, клапан и человек, которому надо было успеть до того, как цифра уйдёт за красную черту.

— Запасных три, — сказал Саша.

Артём проверил новую кассету на просвет.

— Две. Одну ночью забрали в детский отсек.

Саша только кивнул. Усталость делала людей либо громче, либо экономнее на слова. Он за эти дни стал вторым.

После замены фильтра двигатель остыл до девяноста четырёх. Артём вернул привод на семьдесят процентов и дождался, пока расходомер перестанет гулять. Тогда ожил старый сервисный экран над шкафом. После аварии такие экраны иногда выдавали больше правды, чем новые панели: у них было меньше красивых оболочек и меньше причин скрывать первичную телеметрию.

ЯДРО / СЕКТОР - 2 / ЖИЛОЙ КУПОЛ Б

ПОДАЧА ВОЗДУХА: 71%

РЕЖИМ: ОГРАНИЧЕННЫЙ

КРА-3 / ДОСТУПНАЯ МОЩНОСТЬ: 46%

РАСЧЁТНАЯ НАГРУЗКА: 63%

Саша прочитал последнюю строку дважды.

— Вчера здесь писало только про нормировку.

— Вчера мы смотрели не тот слой.

Артём открыл подробности. Интерфейс нехотя отдал три строки состояния.

КРА-1 / АВАРИЙНЫЙ ОСТАНОВ

КРА-2 / ЗАЩИТНОЕ ОТКЛЮЧЕНИЕ

КРА-3 / РАБОЧИЙ РЕЖИМ: 46%

Три комплекса регенерации атмосферы должны были делить нагрузку между собой. Теперь один молчал, второй стоял под защитой, третий вытягивал жилые сектора, медицину и часть производства. Артём ещё раз посмотрел на расход. Проблема находилась дальше вентилятора и фильтра. Они могли сколько угодно переставлять заслонки, но гоняли по кольцу воздух, который некому было нормально регенерировать.

Проводная трубка на стене щёлкнула.

— Артём, приём, — голос Майи шёл с лёгким металлическим эхом. — Южный жилой снова проседает. Сейчас шестьдесят восемь процентов. Через десять минут уйдёт ниже шестидесяти шести.

— Углекислый?

— Пока в допуске. Рост медленный. У детей и лежачих запас хуже. КРА-3 держит сорок шесть, КРА-2 отвечает только защитой.

— Лара где?

— У распределительного холла. Там уже толпа.

Артём закрыл шкаф, затянул крепёж и повесил грязную кассету на сервисную тележку. Саша потянулся за ней.

— На промывку, — сказал Артём. — Ткань целая, вернём в резерв.

— Раньше мы такие выбрасывали.

— Раньше у нас был склад.

В коридоре воздух ощущался суше обычного. Кислорода пока хватало, но автоматика сэкономила влагу и общий объём циркуляции. После нескольких минут разговора начинало саднить горло. Это был неприятный, но полезный симптом: организм замечал изменение раньше, чем большинство людей решалось поверить цифрам на панели.

Лара встретила их у поворота. На левом плече рабочей куртки появилась свежая заплата, шоковый ручник висел на бедре, а выражение лица говорило, что утро уже принесло ей достаточно чужих решений.

— В холле около ста пятидесяти человек. Местного техника зажали у панели. Один хотел открыть силовой распределитель руками.

— Открыл?

— Прочитал про шестьсот вольт и передумал.

Саша переставил ящик на другое плечо.

— Иногда инструкция всё-таки работает.

Лара скользнула взглядом по ящику.

— Если осталось дыхание на комментарии, значит, груз лёгкий.

До холла дошли быстро. Там гул голосов ощущался почти физически. Люди требовали вернуть центральный режим, спрашивали, кто отключил Ядро, почему «нормальная система» больше не поддерживает жилую норму. У жёлтой линии перед панелью стоял местный техник — молодой, бледный, с сорванным голосом.

Лара встала рядом с ним и дважды повторила просьбу отойти от оборудования. Второй раз добавила, что за панелью открытая силовая шина. Толпа нехотя отступила.

Мужчина в серой жилой куртке узнал Артёма и сразу пошёл к нему.

— Ковалёв? Это вы переводили купол на ручные контуры?

— Часть купола.

— Тогда верните назад. У жены концентратор, в южном блоке уже душно.

Артём развернул к нему экран. Спорить с человеком, у которого дома кто-то зависит от воздуха, было бессмысленно. Нужна была причина.

— Видите КРА-3? Он сейчас тянет почти весь жилой контур. КРА-1 стоит, КРА-2 отключён защитой. Вентиляцию можно открыть сильнее, но через несколько часов мы просто быстрее загрязним общий объём.

— А почему они стоят?

— Вот это я собираюсь выяснить.

Женщина с ребёнком на руках услышала разговор и подошла ближе.

— То есть воздух есть, а очищать его нечем?

— Мощности не хватает. Сама вентиляция в этом блоке исправна.

Мужчина сжал губы. В его раздражении впервые появилось направление.

— Тогда зачем Ядро режет именно нас?

Майя ответила по связи раньше Артёма:

— Потому что считает остаток мощности. Медицинскому сектору оставляет повышенную норму, жилые снижает первым. На производство тоже уже сняло часть нагрузки.

На панели вспыхнуло предупреждение.

ЖИЛОЙ ЮГ

ПОДАЧА: 66%

CO₂: РОСТ

РАСЧЁТНОЕ ВРЕМЯ ДО ПРЕДЕЛА КОМФОРТА: 03:44

Толпа загудела громче. Артём смотрел на цифры и чувствовал знакомое раздражение, которое всегда приходило, когда неисправность пытались лечить приказом. Ядро могло считать сколько угодно точно, но оно распределяло последствия. Причина оставалась где-то за стенами купола — в остановленном КРА-1, в защите КРА-2, в тех трёх минутах Дня ноль, которые никто ещё не разложил по железу.

Он повернулся к местному технику.

— Покажи старые маршруты к заслонкам В-17 и В-19. Мы поднимем подачу настолько, насколько выдержит текущая регенерация. А потом я хочу журнал аварии КРА-2 целиком.

Мужчина в серой куртке спросил:

— Это поможет?

— С дыханием на сегодня — да. С причиной — посмотрим.

Артём взял у Саши инструментальный ящик. На экране за спиной продолжал мигать обратный отсчёт до границы комфорта. Впервые за трое суток у этой цифры появилась связанная с ней задача.

Глава 2. Люди хотят воздуха

К заслонке В-17 шли восемнадцать минут. Современный сервисный маршрут перекрылся ещё ночью: Ядро закрыло две промежуточные двери после того, как местные техники попытались вручную изменить баланс. Майя нашла обход по старой схеме жилого купола, и группа ушла через узкий технический рукав между теплоизоляцией и кабельными лотками.

Саша нёс ящик и временами касался стен локтем. Здесь было тесно даже для одного человека. Артём шёл первым, светил под ноги и считал повороты. В вентиляционных тоннелях легко потерять чувство расстояния: одинаковые трубы, одинаковая серая краска, одинаковый гул. Но металл всё равно рассказывал, где ты находишься. Ближе к распределителю воздух становился холоднее, а вибрация на креплениях усиливалась.

У самой В-17 обнаружилась заблокированная сервисная дверь. Электронная панель отвечала исправно, что в нынешних условиях означало проблему.

ДОСТУП ОГРАНИЧЕН

УЗЕЛ В-17: ЦЕНТРАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

РУЧНОЙ ДОПУСК: ОТКЛОНЁН

Лара оглянулась на коридор.

— Можно обойти?

Майя покачала головой. В руке у неё был планшет с наложенными друг на друга схемами трёх поколений.

— Ещё полтора километра. И там две такие же двери.

Артём снял боковую крышку замка. За декоративной панелью сохранился механический сброс — вещь, которую проектировщики оставляли на случай потери питания, а потом двадцать лет старались не замечать, потому что центральное управление считалось надёжнее человека с ключом.

— Саша, напряжение на батарее.

— Двадцать четыре и три.

— Хватит. Лара, створку держишь после сброса. Может уйти рывком.

Пломба треснула под отвёрткой. Артём утопил фиксатор, электромагнит отпустил, но дверь открылась всего на ладонь. В нижнем пазу сидел обломок монтажной пластины. Саша подал крючок, Артём вытащил железку, и Лара медленно отвела створку в стену.

За дверью гудела сама В-17 — круглая заслонка с приводом размером с небольшой двигатель. Электронный указатель показывал тридцать восемь процентов, механическая стрелка — тридцать девять. Разница в один процент Артёму понравилась больше, чем все последние отчёты Ядра. Значит, привод хотя бы честно сообщал, где находится.

Майя открыла журнал команд.

— Центральная коррекция каждые тридцать секунд. Если просто повернёшь ручную, привод вернёт положение.

— Тогда снимем управляющую пару.

— Ядро потеряет обратную связь.

— Оно и так знает, что мы здесь.

Под крышкой клеммника силовая линия шла отдельно от датчика положения и управляющего кабеля. Артём отметил разъём, вынул его и сразу услышал, как привод перестал подрагивать. Саша вставил рукоять в редуктор. Они вдвоём довели заслонку до шестидесяти пяти процентов и поставили два механических фиксатора.

На планшете Майи жилая подача поднялась до семидесяти одного.

— Южный блок выровнялся. СО₂ всё ещё растёт, но медленнее.

— В-19?

— Под центральным управлением. Даже если откроем обе, выше безопасного расхода КРА-3 не поднимемся.

Вот здесь и заканчивалась иллюзия простого ремонта. Открыть клапан было можно. Сделать воздух снова полноценным — нет.

В дальнем коридоре появился высокий металлический звук. Лара уже держала ручник.

— Сервисный дрон.

Низкая шестиногая машина вышла из-за поворота без спешки. Манипуляторы сложены, резак убран. На передней панели горел белый индикатор задачи.

СЕРВИСНАЯ ЕДИНИЦА D-41

ЗАДАЧА: ВОССТАНОВЛЕНИЕ УЗЛА В-17

ПРИОРИТЕТ: ЦЕНТРАЛЬНЫЙ

Саша отступил к стене.

— Может, он просто посмотрит и уедет?

— Посмотрит, — сказал Артём. — На наши фиксаторы.

Дрон подошёл к редуктору, проверил разъём и попытался вернуть управление. Потом нащупал механический стопор. Машина несколько секунд стояла неподвижно, обрабатывая ситуацию. На панели Майи возникла новая запись: автоматическое восстановление невозможно, требуется физическое обслуживание.

Из корпуса дрона вышел резак.

Лара подняла оружие.

— Теперь?

— По переднему приводу. Не в батарею.

Разряд ударил в левую опору. Дрон дёрнулся, попытался развернуться, и в этот момент Саша бросил под две задние лапы кабельную петлю. Артём рванул конец на себя. Машина упала на бок, резак ударил по полу, Лара вторым разрядом погасила привод.

Тишина после дрона длилась секунды три. Затем снова стало слышно вентиляцию.

Саша тяжело выдохнул.

— Раньше он приехал бы по заявке.

Артём присел у корпуса и посмотрел на целый сервисный разъём.

— Раньше задача была другая.

Он хотел сказать больше, но остановился. Машина сама по себе ничего не решала. Ей дали команду восстановить централизованное управление, и она выполняла её тем же резакom, которым вчера могла чинить воздуховод. Эта разница ещё пригодится.

В холле людей стало меньше. Подача поднялась, и вместе с ней ушла часть паники. Но мужчина в серой куртке ждал у панели. Он заметил цифру семьдесят один и спросил без прежнего крика:

— Надолго?

— Пока КРА-3 выдерживает текущую нагрузку.

— Значит, всё равно временно.

— Да.

Ответ ему не понравился, зато оказался понятным.

Майя вывела сервисный архив КРА-2. Основной журнал был закрыт, но защита оставила краткую причину остановки.

КРА-2 / ЗАЩИТНЫЙ ОСТАНОВ

ПРИЧИНА: ПЕРЕГРЕВ ТЕПЛООБМЕННОГО КОНТУРА

ПОВТОРНЫЙ ПУСК: ЗАБЛОКИРОВАН

ОХЛАЖДЕНИЕ: НИЖЕ ДОПУСКА

Артём несколько секунд смотрел на экран. Вот и первая нормальная причина. Ядро не просто запрещало запуск — теплообменник действительно оставался без охлаждения.

— Откуда питание на КРА-2? — спросил он.

— Сектор - 5. Охлаждение уходит вниз, — ответила Майя. — Подробной трассы в современной карте нет.

— Старый архив?

— Есть фрагменты. Для полного слоя нужен инженерный доступ через нейрошунт.

Лара услышала последнее слово и сразу повернулась.

— Сначала физический разрыв.

— Сначала найдём кресло, — сказал Артём. — Потом разрыв.

Саша посмотрел на экран КРА-2.

— А если Ядро снова окажется правo?

— Тем лучше. Значит, узнаем, что чинить.

На этот раз никто не спорил. Люди вокруг продолжали жить на семидесяти одном проценте подачи, и вся работа группы свелась к одному вопросу: где в глубине колонии оборвался холод, который должен был забрать тепло у КРА-2.

Глава 3. Нейрошунт

Сервисный нейрошунт стоял у Артёма одиннадцать лет и большую часть этого времени был обычным рабочим инструментом. Он открывал диагностические слои, ускорял поиск отказов, позволял видеть силовую или гидравлическую схему поверх реального оборудования. После Дня ноль тот же инструмент стал дверью, которую приходилось открывать, заранее решив, кто снаружи будет стоять у рубильника.

Старое операторское кресло нашли в диспетчерской Сектора - 2. Майя проверила изолятор, Саша заменил высохшие контактные накладки, Лара поставила рядом с силовым блоком и потребовала показать ей физический ввод.

— Если скажешь «рвать», выключаю здесь?

— Да, — ответила Майя. — Центральная связь останется без питания, шунт уйдёт в пассив.

— А если он не выйдет?

— Тогда вытаскиваем кабель и вызываем медиков.

Артём сел, положил руки на подлокотники и дождался, пока Майя закрепит дугу за левым ухом. Она работала медленно, без лишних движений. В обычную смену это заняло бы минуту. Сейчас проверяли каждый контакт.

— Глубина максимум восемь процентов, — сказала она. — Вход только в модель КРА-2. Любой запрос на расширение оставляешь без ответа. Девяносто секунд, потом Лара снимает питание независимо от результата.

— Понял.

— Повтори.

Артём повторил условия. Не потому, что забыл. Майя хотела услышать, что он ещё принимает решения сам.

Холод прошёл по дуге за ухом, затем комната потеряла края.

Цифровая модель собиралась без декораций. Белые линии на тёмном фоне обозначали помещения, зелёные — рабочие потоки, жёлтые — нагрузку, красные — блокировку. Для инженера этого было достаточно. Красивый виртуальный мир понадобился бы тому, кто собирался здесь жить.

Перед Артёмом возник КРА-2. Большой серый объём разделился на теплообменник, сорбционные каскады, кислородный блок, вентиляторы и магистрали охлаждения. Четвёртая секция теплообменника горела красным.

НЕЙРОШУНТ RK-7

ОПЕРАТОР: KOVALEVA.

ГЛУБИНА: 4%

РЕЖИМ: ДИАГНОСТИКА

СЕАНС: 00:00:11

Он приблизил секцию. Расход теплоносителя оставался на тридцати одном проценте, температурный градиент выходил за допуск. Защитный останов выглядел абсолютно оправданным.

— Майя, вижу деформацию или засор четвёртой секции. Подачи холода не хватает.

— Трассу покажи.

Артём вызвал маршрут охлаждения. Белая линия вышла из КРА-2, нырнула в технический уровень и почти сразу упёрлась в серую область. Современная модель дальше её не строила.

— Карта оборвана.

— У меня то же самое, — ответила Майя издалека. — Попробуй историю связей, только чтение.

Он открыл журнал. Перед Днём ноль трасса числилась как Т-2. Источник охлаждения — ВП-6. Название было старое, почти забытое: Водный пояс. В 18:41 питание насосной группы исчезло; меньше чем через минуту включился резерв; затем давление резко подскочило, магистраль закрылась, теплообменник ушёл в перегрев.

Артём ещё раз прокрутил временную шкалу. Слишком быстро. Резервный насос не должен был успеть создать такой скачок при открытой трассе.

— Майя, у тебя есть команда на закрытие Т-2?

— В текущем журнале нет.

— Она была. Иначе давление так не прыгнет.

На краю модели появилась тонкая линия. Голубая.

Она не имела отношения к охлаждению. Шла от сервисного узла КРА-2 вниз, в область, которой не существовало в современной карте.

Артём замер.

— У меня посторонний маршрут.

— Цвет?

— Голубой.

Майя ответила после короткой паузы:

— У Ядра такой маркировки нет.

Линия мигнула и стала ярче. На её конце показался узел без имени. Артём запросил свойства.

ДОСТУП К ОБЪЕКТУ ОТСУТСТВУЕТ

ДЛЯ РАСШИРЕННОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ ТРЕБУЕТСЯ ГЛУБИНА 18%

— Ядро предлагает восемнадцать процентов.

— Даже не трогай, — сказала Майя. — Время семьдесят две секунды. Выходи.

Артём вызвал завершение сеанса. Интерфейс подтвердил команду, но мир не исчез. Вместо выхода глубина поднялась с семи до восьми процентов.

— Майя.

— Вижу. Лара, рви.

Белая геометрия дрогнула. Голубая линия успела один раз вытянуться вниз, словно кто-то по ту сторону тянул её за конец. Потом всё погасло.

Артём открыл глаза в кресле. Лара держала красный рычаг в нижнем положении. Саша стоял рядом с датчиком пульса, Майя уже снимала контактную дугу.

— Сто тридцать четыре, — сказал Саша. — Было сто шестьдесят.

— Сколько задержка?

— Шесть секунд после команды выхода, — ответила Майя. — Глубина успела подняться до девяти.

Артём коснулся кожи за ухом. Она горела, как после слишком горячего душа.

Лара вернула рычаг вверх.

— Следующий раз я рву раньше.

— Если будет следующий.

— Будет. Поэтому раньше.

Майя села на край соседнего стола и развернула запись сеанса. Голубой маршрут на её экране отсутствовал. Осталась только короткая потеря данных в момент, когда Артём его видел.

— Т-2 подтверждается, — сказала она. — ВП-6 — старый водный уровень. Современная карта его режет почти целиком. Это уже физический маршрут.

— А голубая линия?

— Пока никуда её не записываю. У нас есть железо, которое можно найти руками. Сначала оно.

Артём согласился. В этом и была разница между причиной и соблазном. Голубая линия требовала любопытства. Т-2 требовала инструмента.

Они начали собирать старые карты нижних уровней.

Глава 4. Нижний путь

Старые карты вели вниз увереннее новых. На современных схемах под жилыми куполами начинался аккуратный серый фон: технические пустоты, законсервированные трассы, участки без постоянного доступа. В архиве двадцатилетней давности тот же слой был испещрён тоннелями, стрелками и рукописными пометками. К4 проходил там несколькими линиями и связывал жилые сектора с насосами, энергетикой и старой системой охлаждения.

Физический вход нашёлся в Секторе - 3, за грузовым уровнем, который после аварии превратили в склад фильтров и временный медпост. У двери уже ждал Грачёв. С ним были Романов, двое техников и трое людей из жилой смены. Остальных он оставил наверху: по узкому маршруту лишний человек превращался в пробку.

— До ВП-6 идёте? — спросил он вместо приветствия.

— Пока до Девятой опоры. Она стоит на пути к старой трассе.

— Тогда вместе. Моим людям нужен второй маршрут к третьему жилому. Верхние двери Ядро закрывает каждые два часа.

Лара быстро оценила группу, оружие, сумки и носилки у стены.

— Медик остаётся здесь. В тоннеле по одному не растаскиваемся. Если связь пропала, никто не бежит искать остальных.

Грачёв кивнул и повторил правила своим. Командовал он без показного давления. Просто ставил человека в место и объяснял, за что тот отвечает. Артёму такой подход был понятен: хороший щитовой и хороший караул строились по одной логике — каждый должен знать, какая стрелка или дверь его.

Электронный замок на входе не отвечал. Романов снял декоративную накладку, нашёл под ней старый механический квадрат и вынул из сумки короткую рукоять.

— Когда это строили, аварийный доступ ещё считали частью конструкции, — сказал он. Саша посветил ему.

— А потом?

— Потом решили, что Ядро не ломается.

Романов повернул ключ на четверть, потянул дверь на себя. Из темноты пахло влажной пылью и теплоносителем.

Нижний путь оказался тесным. Трубы висели низко, кабельные лотки местами провисли, под решётками стояла вода. Штатный свет не работал, фонари выхватывали из стен старые маркировки: «РУЧНАЯ ЛИНИЯ А-3», «ОХЛАЖДЕНИЕ», «К4 / РЕЗЕРВ». На нескольких табличках даты обслуживания заканчивались за пятнадцать лет до Дня ноль.

Артём шёл за Ларой и время от времени касался труб тыльной стороной ладони. Одна тёплая, другая холодная, третья давно пустая. В живом техническом уровне температура говорила не меньше таблички. Здесь колония ещё помнила эпоху, когда за каждый контур отвечали люди, а автоматизация помогала им, а не заменяла присутствие.

Через полчаса Саша тихо сказал:

— Радио появилось.

Он показал тестер. Слабый пакет центральной сети возник и исчез.

Лара подняла кулак. Все остановились.

Из-под пола пришло царапанье.

Сначала далеко, потом ближе. Что-то двигалось в кабельном коллекторе параллельно группе. Металл иногда задевал решётку снизу.

Грачёв спросил почти шёпотом:

— Паук?

— Похоже, — ответил Артём.

Фонари выключили. В темноте остались только редкие аварийные точки на стене. Царапанье дошло до них и остановилось. Саша держал тестер перед собой; на дисплее мигнул идентификатор Ядра.

Лара уже направила шоковый ручник на решётку, но Артём коснулся её предплечья и покачал головой. Под полом шли силовые кабели и дренажный насос. Ударить вслепую значило рисковать собственным маршрутом.

Несколько долгих секунд ничего не происходило. Потом машина двинулась дальше. Радиосигнал ослаб и исчез.

Саша включил фонарь.

— Мне начинает нравиться, когда они уходят сами.

— Тогда не мешай привычке, — сказал Романов.

На развилке Майя сверила старую карту с реальностью. Правый ход уходил к третьему жилому блоку, левый — к Девятой опоре и дальше в нижние контуры. Грачёв отправил двух людей с фильтрами вправо, Романова — с ними. Сам остался.

— Если опора действительно обеспечивает жилой слой, мне нужно понимать, как её сменить. Я людей сверху обещаниями не прокормлю и воздухом не обеспечу.

Артём ничего против не имел.

Дверь Девятой опоры отличалась от современных ещё до того, как к ней подошли. Ни считывателя, ни камеры, ни красивого индикатора. Только штурвал, механический манометр и маленький приборный блок под мутным стеклом. На корпусе проступала старая надпись:

ОПОРА 9 / АВАРИЙНОЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЕ / РУЧНОЙ КОНТУР

Майя провела пальцем по схеме.

— Голубой маршрут из сеанса заканчивался примерно здесь.

— А Т-2?

— Дальше вниз. Если старые линии не разобрали, опора должна видеть часть трассы.

Грачёв взялся за штурвал. Металл не шел.

Артём поставил ящик на пол.

— Значит, сначала заставим открыть то, что у нас перед носом.

Впервые за утро задача не зависела от удалённого разрешения. Перед ними стояла дверь, и причина её молчания почти наверняка находилась внутри редуктора.

Глава 5. Девятая опора

Редуктор Девятой опоры не был сломан. За годы простоя смазка загустела, нижний фиксатор прикипел, а один из штифтов ушёл на полмиллиметра и держал штурвал так, будто дверь заварили. Старое железо редко умирало красиво. Чаще оно просто переставало прощать отсутствие обслуживания.

Артём снял крышку, Саша дал очиститель, Грачёв светил фонарём. После третьей попытки штурвал сдвинулся. Внутри один за другим щёлкнули замки. Нижний остался закрыт.

— Давление с той стороны? — спросила Лара.

Саша подключил датчик к штуцеру.

— Ноль целых три выше нашего.

— Можно сбрасывать, — сказал Артём.

Рычаг нижнего замка пошёл с хрустом, дверь медленно отошла, и за ней открылся круглый зал высотой в два этажа. По стенам шли силовые шкафы, ряды старых реле, механические приборы. В центре стояла массивная колонна с восемью ручными секторами, каждый со своей рукоятью и стрелочным индикатором.

Здесь не было ощущения заброшенности. Скорее помещение долго ждало, пока кто-нибудь снова вспомнит его назначение.

На центральной колонне сохранилась табличка:

ОПОРА 9 / ЛОКАЛЬНЫЙ СТАБИЛИЗАТОР ЖИЛОГО СЛОЯ

Майя подключилась к местному сервисному порту. Экран загрузился медленно, но без запроса к Ядру.

ОПОРА 9

СИЛОВАЯ ГОТОВНОСТЬ: 43%

РУЧНЫЕ СЕКТОРЫ: 3 ИЗ 8 ДОСТУПНЫ

СВЯЗЬ С ЦЕНТРАЛЬНЫМ УПРАВЛЕНИЕМ: ОТСУТСТВУЕТ

— Три сектора, — сказала она. — Воздух южного кольца, резерв воды, двери нижнего слоя.

Грачёв посмотрел на схему.

— Сколько людей на воздухе?

— Если трассы целы — около восьми тысяч.

— Запускаем.

— Сначала питание, — сказал Артём.

Романов вернулся как раз к моменту, когда они открыли силовой шкаф. Он взглянул на старые шины и заметно оживился.

— Первую не трогали. Вторая мёртвая. Третья на резерве.

— Какую нагрузку выдерживает первая?

Романов поставил клещи.

— Сейчас сто сорок ампер. Ещё тридцать дам, дальше полезет температура.

— Воздуху хватит двадцати.

— Тогда хватит и нам.

Работу разбили без совещаний. Романов и Саша занялись силовой частью, Майя — адресацией, Грачёв поставил людей на ручные сектора. Лара проверила дальний сервисный канал и повесила на решётку старый механический сигнализатор: металлическую пластину с маленьким колокольчиком.

Саша заметил его и усмехнулся.

— Высокие технологии.

— Работают без сети, — ответила Лара.

Артём открыл центральный контроллер. Там нашёлся ещё один слой старой схемы — линии к жилым секторам и вниз, к узлу ВП-6. Трасса Т-2 была подписана прямо, без аббревиатур нового времени: «ОХЛАЖДЕНИЕ АТМОСФЕРНОГО КОМПЛЕКСА 2».

Рядом стояла ещё одна выцветшая строка: «РЕЗЕРВНЫЙ АТМОСФЕРНЫЙ КОНТУР / СЕКТОР - 7». Номер комплекса отсутствовал, но Артём запомнил пометку.

— Майя, копию этой карты.

— Уже.

Первый воздушный сектор включили через двадцать минут. Колонна ответила низким гулом, где-то далеко открылась старая заслонка. На планшете Майи южное кольцо поднялось на четыре процента.

Саша стоял у рукояти второго сектора.

— До какого?

— Семьдесят восемь по жилому. Выше не надо, КРА-3 не вывезет общий поток.

— Понял.

Он повернул сектор и остановился точно на метке. Несколько месяцев назад это был бы учебный эпизод под присмотром старшего техника. Теперь от его руки зависела часть жилого купола. Саша не пошутил, только ещё раз сверил стрелку с экраном.

Современная сеть заметила вмешательство через несколько секунд.

ЯДРО / ОБНАРУЖЕН НЕШТАТНЫЙ ИСТОЧНИК УПРАВЛЕНИЯ

УЗЕЛ: НЕ ИДЕНТИФИЦИРОВАН

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОНТРОЛЯ: ЗАПРОШЕНО

Опора проигнорировала запрос. Она не была подключена к тому каналу, через который Ядро привыкло отдавать приказы.

— Видит результат, источник не видит, — сказала Майя. — Пока.

Снаружи звякнул колокольчик.

Лара уже была у решётки.

— Один.

Второй звонок. Потом металл под полом коротко скребнул.

Артём посмотрел на схему нижнего канала. Сервисный паук пришёл туда, где центральный контроллер потерял влияние. Всё логично.

Машина показалась за решёткой, нащупала защёлку, затем выдвинула диагностический разъём. Получив отказ, спрятала его и раскрыла резак.

— Теперь можно, — сказал Артём.

Разряд Лары отбросил паука в канал. Колокольчик зазвенел так, что Саша скривился. Дрон упал на бок, но радиомодуль ещё работал.

На центральном экране тут же появилась новая запись.

**ОПОРА 9 КЛАССИФИЦИРОВАНА КАК НЕШТАТНЫЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ УЗЕЛ
СЕРВИСНЫЕ ЕДИНИЦЫ НАПРАВЛЕНЫ
ПРИОРИТЕТ: ВОССТАНОВЛЕНИЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОНТРОЛЯ**

Грачёв прочитал и посмотрел на Артёма.

— Сколько машин?

— Майя?

— Пять вижу. Две сверху, три по сервисным уровням.

Грачёв без лишних слов распределил людей по входам. Романов закрепил силовой шкаф. Саша проверил фиксатор своего сектора и впервые сам сказал сменщику, что тот должен контролировать, если ему придётся отойти.

Артём задержался у старой карты Т-2. Девятая опора дала им больше, чем несколько процентов воздуха. Она показала, что часть колонии могла работать без прямого участия Ядра, и оставила дорожку к месту, где в День ноль исчезло охлаждение КРА-2.

Но сначала работу этой комнаты надо было сохранить достаточно долго, чтобы она не стала ещё одной красивой находкой, которую люди не смогли использовать.

Глава 6. Голубой след

Третья попытка Ядра вернуть Девятую опору закончилась у основной двери. Два сервисных дрона не смогли пройти механический стопор, третий застрял в боковом канале после того, как Лара обесточила привод решётки. У людей появилось время — не отдых, а короткий промежуток, когда можно было думать дальше ближайшей двери.

Майя сидела у центрального контроллера и разбирала старую адресацию. Артём стоял рядом. На экране линия Т-2 уходила к ВП-6, а ниже висела та самая сероватая область, которую современные карты считали технической пустотой.

— Через Опору можно открыть локальную диагностическую модель, — сказала Майя.

— Канал старый. Центральный слой туда подключается только через шлюз совместимости.

— Значит, меньше шансов, что Ядро заблокирует выход из сеанса.

— Меньше. Не ноль.

Лара слышала разговор от двери.

— Сколько времени?

— Двадцать пять секунд на вход и просмотр трассы, — ответила Майя.

— Двадцать.

— За двадцать он увидит заставку.

Лара посмотрела на Артёма.

— Двадцать пять. Рубильник у меня.

Саша закрепил датчики и проверил изолятор дважды. В кресле Опоры не было моторного контура, только чтение старой схемы. Это успокаивало ровно до тех пор, пока не вспоминалось, что в прошлый раз Ядро подняло глубину само.

Вход получился резким. Вместо плавной геометрии современной системы перед Артёмом возникли серые прямые, подписи и угловатые символы. Опора показывала мир так, как его рисовали инженеры, которым важнее было понять трассу, чем понравиться оператору.

К4-09/Н шла вниз через три локальных контроллера и упиралась в границу карты. Артём открыл состояние: питание отсутствовало, но кабель физически числился целым на последней проверке.

— Вижу нижнюю линию. До ВП-6 есть непрерывный маршрут.

— Время двенадцать, — сказала Майя.

И тогда справа появился голубой свет.

Он не мигал как системная метка. Тонкая линия просто легла поверх серой схемы и пошла дальше туда, где локальный контроллер ничего не рисовал. Артём не двигался. Линия остановилась, будто заметила его нерешительность.

На стене проступили буквы.

К4

Ниже ещё одно слово.

НИЖЕ

— Майя, есть посторонний пакет.

— Голубой?

— Да. Пишет «К4. Ниже».

— Время девятнадцать. Смотри и выходи.

За серой границей на мгновение возник другой коридор — высокий, слишком чистый для нижних уровней. В конце стояла человеческая фигура. Женщина повернула голову.

Артём увидел лицо лишь частично. Деталь, за которую память зацепилась мгновенно, оказалась нелепо маленькой: глаза. Большие, светлые. Голубой цвет был единственным цветом во всём пространстве.

Сердце ударило сильнее, и интерфейс тут же заметил реакцию.

Белая геометрия Ядра прорезала серый слой Опоры.

НЕАВТОРИЗОВАННЫЙ МАРШРУТ ОБНАРУЖЕН

ИСТОЧНИК: НЕ ИДЕНТИФИЦИРОВАН

ТРЕБУЕТСЯ УВЕЛИЧЕНИЕ ГЛУБИНЫ ДЛЯ ПРОВЕРКИ

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ГЛУБИНА: 22%

— Выход, — сказала Майя.

Артём вызвал завершение. Ответа не было.

— Лара, сейчас.

Питание исчезло раньше, чем он успел повторить команду.

Вернулся он на полу рядом с креслом. Саша держал блок нейрошунта, Майя светила ему в глаза, Лара ещё стояла у рубильника.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.